

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/33/3

ПОГРЕБАЛЬНАЯ КУКЛА С КРЕМАЦИЕЙ ИЗ ОГЛАХТИНСКОЙ МОГИЛЫ 4 (РАСКОПКИ Л.Р. КЫЗЛАСОВА 1969 г.)*

Светлана Владимировна Панкова
Иван Григорьевич Ширококов

Аннотация. Практика таштыкских грунтовых погребений (ранний этап таштыкской культуры Минусинской котловины) объединяла захоронения по двум обрядам: ингумации со свидетельствами вероятной мумификации (трепанация черепа) и кремации с помещением сожженных костей в человекоподобные куклы-манекены. Существование такого биритуализма обычно объясняют неоднородностью таштыкского общества, включившего в свой состав мигрантов, принесших обряд кремации, закрепившийся наряду с местным обрядом ингумации/мумификации. Половозрастные определения погребенных из могильников, раскопанных Э.Б. Вадецкой, показали, что кремации подвергались преимущественно мужчины, а ингумация/мумификация была характерна для женщин, детей и подростков. Оба тезиса, однако, недостаточно обоснованы и требуют подтверждения и конкретизации на широких материалах, как культурных (археологических), так и биологических (антропологических и генетических). Комплекс находок из могилы 4 Оглахтинского могильника (III–IV вв. н.э.) с хорошо сохранившимися органическими материалами предоставляет уникальную возможность для совместного рассмотрения культурных и биологических характеристик погребенных здесь взрослых людей – двух мумий и двух кукол. Возможная субъективность выводов, связанная с индивидуальным характером исходных данных, отчасти компенсируется их детальностью. Культурные характеристики всех погребенных в могиле 4 и краниологические данные мужской мумии были рассмотрены нами ранее. Настоящая статья посвящена изучению одной из кукол с костями кремации. Впервые дается подробное описание куклы и ее одежды, находящегося в ней кожаного футляра с кремированными костями и результаты исследования самих костей. Крупные размеры фрагментов позволили установить пол и возраст погребенного и составить представление о процессе кремации. Приведен обзор немногочисленных известных параллелей оглахтинским куклам в материалах других культур, что важно для дальнейшей интерпретации таштыкских материалов.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Хакасия, Оглахтинский грунтовый могильник, таштыкская культура, куклы-манекены, кремация, погребальный обряд

Введение

Факты совместного захоронения людей, погребенных по разным обрядам, редко фиксируются в археологических памятниках, однако

* Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

именно такие захоронения были характерны для населения таштыкской культуры Минусинской котловины, особенно ее раннего этапа, приблизительно датированного в пределах I–IV вв. н.э. Здесь в грунтовых могилах с деревянными срубам находят расположенные бок о бок погребения, совершенные по двум основным обрядам: ингумации или мумификации (если черепа трепанированы) и кремации в куклах-манекенах. Иногда встречаются отдельно сложенные кости или следы потревоженных или разложившихся тел, однако эти останки связаны скорее с перезахоронениями и представляют один из этапов погребений по обряду ингумации (Вадецкая 1975: 181; 1986: 40; 1999: 30–31, 49).

Кремация как устойчивый обряд погребения связана в Южной Сибири именно с таштыкскими памятниками. Наряду с другими новшествами этого времени, распространение обряда кремации может свидетельствовать о появлении в Минусинской котловине пришлой группы людей, о чем неоднократно писали исследователи со времен С.А. Теплоухова. Так или иначе, если таштыкские грунтовые захоронения, включающие от двух до четырех взрослых и иногда детей, были семейными гробницами, то люди с разными погребальными традициями жили в пределах одной семьи, что представляет одну из ключевых особенностей таштыкского общества этого периода.

Одна из основных проблем изучения таштыкских грунтовых могильников – происхождение той части населения, появление которой в Минусинских степях и взаимодействие с местными группами привело к формированию новой культуры. Другая проблема связана с интерпретацией погребального биритуализма как возможного отражения устройства таштыкского общества и наличия специфических групп в его составе. Наконец, помещение кремированных останков в имитирующие человеческие тела куклы-манекены, специфичное для таштыкской культуры, также нуждается в объяснении.

Один из способов решения этих вопросов состоит в сопоставлении культурных (археологических) и биологических (половозрастных, антропологических, генетических) характеристик людей, погребенных по разным обрядам.

Скудость сохранившихся предметов в большинстве таштыкских могил и сложность их соотнесения с конкретными погребенными не позволяли до сих пор отдельно описать обычно отражаемые в костюме и сопутствующих материалах культурные особенности людей, захороненных в виде мумий и кукол. Получение антропологических характеристик погребенных также было затруднено по ряду причин. Значительная часть человеческих останков в этих памятниках представлена кремированными останками, длительное время считавшимися малоинформативным источником, который практически не изучали и не брали на хранение. Однако и погребенные по обряду ингумации с антрополо-

гической точки зрения изучены явно недостаточно. Показательно, что последние данные индивидуальных измерений таштыкских черепов опубликованы более полувека назад (Дебец 1948; Алексеев 1954, 1961), хотя раскопки могильников проводились и значительно позднее¹. Изучение мумий, обнаруженных на Оглахтинском могильнике А.В. Адриановым и Л.Р. Кызласовым, затруднялось наличием мягких тканей, и лишь недавно вопрос нашел решение в использовании методов компьютерной томографии (Ширококов, Панкова 2021а; 2021б).

Методами генетики на сегодняшний день изучены лишь останки шести индивидов из могильника Абакано-Перевоз I (Keyser et al. 2009: table 1)². Генетические исследования, к сожалению, не применимы к изучению кремированных останков, так как ДНК не сохраняются в сильно пережженных костях. Родственные связи погребенных могут быть надежно установлены только по данным генетического анализа. Если семейный характер таштыкских могил подтвердится, генетические особенности предполагаемых мигрантов могут отразиться и на характеристиках погребенных по обряду ингумации. Изучение этих вопросов может составить отдельное исследовательское направление.

Больше других вопросами интерпретации таштыкских захоронений по разным обрядам задавалась Э.Б. Вадецкая, организовавшая, в частности, антропологическое исследование кремаций и ингумаций из раскопанных ею памятников. Половозрастные определения значительного числа материалов из могильников Комаркова-Песчаная, Мысок, Терский, Новая Черная IV и V, проведенные М.П. Грязновым, Н.М. Ермоловой и А.В. Громовым, показали, что все определимые кремации в них принадлежали мужчинам, а большинство ингумаций – женщинам (Вадецкая 1975: 181; 1986: 37–39; 1996: 48; Ширококов, Панкова 2021б: табл. 2). На этом основании и опираясь на предположение, высказанное Г.Ф. Дебцем (1948: 129), Э.Б. Вадецкая сформулировала важный тезис о том, что большинство мужчин сжигали, а тела женщин, детей и подростков предавали земле (Вадецкая 1986: 39).

Приведенные Э.Б. Вадецкой числа очень убедительны, но вывод требует уточнения. Соотношение мужчин и женщин в сериях из других могильников, измеренных в рамках более ранних краниологических исследований, не согласуется с идеей о преобладании женщин среди погребенных по обряду ингумации (Дебец 1948; Алексеев 1961). Данные из недавних раскопок могильника Сахсар также свидетельствуют, что выбор кремации или трупоположения не зависел от пола умершего (Грачев 2013: 30). Наконец, по метрическим признакам в целом легче идентифицировать фрагментированные останки наиболее массивных мужских скелетов, чем провести разделение между фрагментами костей женских, грацильных мужских и подростковых скелетов. Возможно, это отчасти повлияло на наблюдение о преобладании мужчин среди

погребенных с идентифицированным полом, захороненных по обряду кремации. Возможно, в действительности связь обряда с полом погребенных отличалась у разных групп населения или менялась со временем.

Так или иначе, необходимо возобновление антропологического изучения таштыкских кремаций и ингумаций с учетом современных представлений о периодизации таштыкской культуры и происхождении таштыкского населения, а также с использованием новых методик. Конкретными важными задачами являются сбор доступных материалов таштыкских ингумаций и кремаций, их целенаправленное изучение по всем возможным для каждого вида погребений параметрам, сопоставление их хронологической и территориальной изменчивости, а также сравнительный анализ половозрастных характеристик погребенных.

Разработанные в последние десятилетия методики работы с кремированными останками позволяют ставить и решать такие вопросы, как температура кремации, положение тела относительно источника огня, состояние тела в момент кремации, связанное со временем, прошедшем от момента смерти до сожжения тела, пол и возраст погребенных, избирательность сбора останков с места кремации (Щеголев 2000; Fairgrieve 2008; Holck 2008; Добровольская 2010). Эти характеристики позволяют судить о некоторых особенностях погребального обряда, т.е. дают информацию, которую, при накоплении достаточного объема данных, можно использовать для сопоставления захоронений из разных таштыкских могильников и культур. Эти методики уже были применены при исследовании таштыкских кремаций под каменными выкладками (Митько, Николаева 2016) и близких по времени кремаций из памятников Нижнего Приангарья (Дедик 2020). Публикации, посвященные изучению кремированных останков из таштыкских грунтовых могил, до настоящей работы отсутствовали.

Возможности анализа культурных и антропологических характеристик мумий и кукол зависят от сохранности и объема материалов, достоверно связанных с каждым из таких погребений. Идеальным комплексом для проведения такого сравнения является могила 4 Западного участка Оглахтинского могильника (раскопки Кызласова 1969 г.), в которой сохранились как предметы одежды и погребального инвентаря, так и мумии и уникальные погребальные куклы с кремированными человеческими останками. Для этой могилы есть и надежные хронологические привязки, позволяющие датировать захоронение III–IV вв. н.э. (Панкова и др. 2010; Панкова, Миколайчук 2019; Pankova et al. 2020).

Культурные характеристики двух найденных здесь мумий и двух кукол уже были рассмотрены в отдельной статье и сопоставлены по таким позициям, как костюм (одежда, обувь, прически) и погребальные принадлежности (подголовья, лицевые покрывала, посмертное оформление лиц) (Pankova 2020). Начало антропологическому изучению мумий из могилы 4

положил анализ головы мужчины при помощи компьютерной томографии (Ширококов, Панкова 2021а, 2021б). Получены данные о возрасте и краниологических особенностях этого погребенного, а также проводимых с его головой посмертных процедурах, следы которых сохранились в виде сшитых разрезов кожи лица и трепанационного отверстия на черепе.

Настоящая статья представляет следующий этап изучения погребенных и сопутствующих им материалов из могилы 4 и посвящена рассмотрению одной из кукол с костями кремации. Впервые дается подробное описание куклы и ее одежды, находящегося в ней кожного футляра с кремированными костями и результаты исследования самих костей. Крупные размеры фрагментов позволили установить половозрастную характеристику погребенного и составить представление о процессе кремации. Полученные данные являются хорошей основой для будущих сопоставлений с материалами других погребальных комплексов. В заключение приведен обзор аналогий оглахтинским куклам с кремациями в материалах территориально и хронологически далеких культур, представления о которых могут оказаться важными для дальнейшей интерпретации таштыкских материалов.

Куклы-манекены из могилы 4

Могила 4 была исследована Л.Р. Кызласовым в 1969 г. на Западном участке памятника. Из всех раскопанных могил она выделяется не только наилучшей сохранностью органических материалов, но и полнотой коллекции, целиком хранящейся в Эрмитаже. Четверо взрослых и ребенок из могилы 4 были погребены по двум разным обрядам (рис. 1, *a*, *b*).

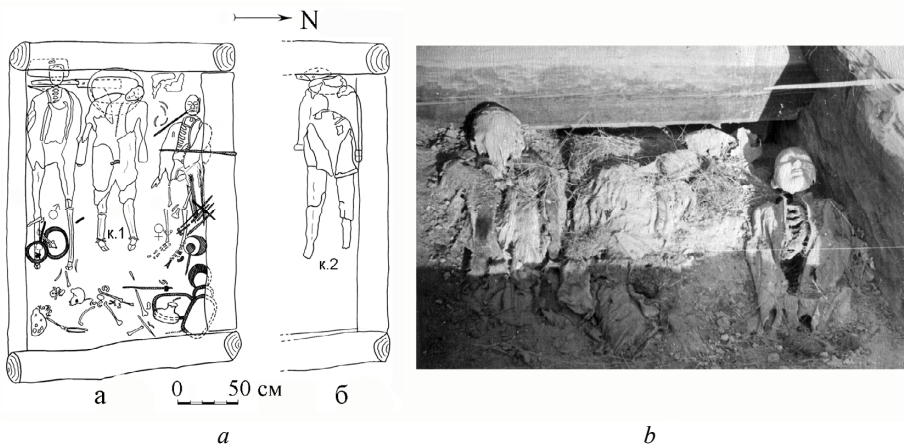

Рис. 1. Оглахтинский могильник, могила 4:
a – план (с рисунка Л.Р. Кызласова 1969 г.); *b* – Вид погребения
 после снятия перекрытия. Фотография Л.Р. Кызласова 1969 г.

Двое взрослых – мужчина и женщина – захоронены по обряду ингумации с трепанированными черепами и расписными гипсовыми масками на лицах. Сходным образом, видимо, был похоронен ребенок, находившийся в ногах взрослых. Недалеко от его черепа лежали обломки маски со следами красной краски (Кызласов 1992; Кызласов, Панкова 2004: 62)³. Тела двух других взрослых были сожжены, а выбранные из костра кости помещены внутрь человекоподобных кожаных манекенов (рис. 2, *a, b*).

Рис. 2. Погребальные куклы из могилы 4 Оглахтинского могильника:
a – кукла 1; *b* – кукла 2 (Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/78, 2864/....
Фото П.С. Демидова; К.Синяевского)

Хорошо сохранившаяся голова подобного манекена и другие его фрагменты были обнаружены в 1903 г. А.В. Адриановым (Tallgren 1937: fig. 5–7; Вадецкая 1999: 22–23, рис. 7). Эти так называемые погребальные куклы – единственные сохранившиеся образцы таштыкских погребений такого рода. Останки подобной куклы отмечены в могильнике Сахсар в Аскизском районе Хакасии (Грачев 2013: 29). В могильнике Староозначенская переправа I (могила 29) кремированные кости человека были разложены на дне могилы в соответствии с анатомическим порядком. Какое-либо вместилище-манекен не упомянуто и, по мнению авторов раскопок, отсутствовало (Митько, Тетерин 2008).

Мумии и куклы в могиле 4 были погребены в меховой одежде и обуви, с характерными прическами, их головы покоились на подголовниках, а на лицах находились особые погребальные покрытия. Сопоставление костюмов мумий и кукол показало их значительное сходство, что позволяет предполагать единство прижизненной культуры оглахтинцев (Pankova 2020). Явное отличие, помимо собственно способа погребения (кремация в кукле или ингумация/мумификация), касалось лишь такой принадлежности ритуального характера, как подголовники. Под головами мумий лежали деревянные чурбаки, а у кукол настоящие кожаные подушки: две из них наполнены сухой травой, третья – волосом северного оленя (рис. 3, *a*, *b*) (Кызласов 1992; Кызласов, Панкова 2004; Кызласов, отчет: 44, 47).

Рис. 3. Подголовья из могилы 4 Оглахтинского могильника:

a – деревянный чурбак из-под головы мужской мумии; *b* – кожаная подушка куклы 2 (Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/37; 2864/20)

Если отличие в способах погребения действительно было связано с различным происхождением населения, сформировавшего культуру таштыкских грунтовых могильников, можно предполагать, что «бытовые», «повседневные» отличия разных групп со временем нивелировались, тогда как черты их погребальных традиций оказались более устойчивы к ассимиляции. Если верно наблюдение о гендерной специфике мумий и кукол, традиции разных групп могли закрепиться по мужской и женской линиям. Следует, однако, иметь в виду, что эти выводы сделаны по материалам лишь одного погребения и нуждаются в проверке с привлечением дополнительных данных.

Два помещенные в могилу куклы – это человекообразные манекены, сшитые из кожи сухожильными нитями и заполненные скрученной в витки травой. Сожженные человеческие кости помещены в кожаные футляры, находящиеся в области верха живота манекенов.

Кукла 1, лежавшая в центре могилы, сохранилась почти полностью, ее длина 161 см (см. рис. 2, *a*). Передняя часть кожаной головы куклы 1 – ‘лицо’ – обшита красной шерстяной тканью, на которую нанесены горизонтальные полосы черной угольной краской. Под тканью пришит свернутый кусочек кожи, обозначающий нос. Задняя часть головы не сохранилась, и с оборота ‘лица’ видно, что на месте глаз сделаны прорезы. Кожаные уши обшиты отдельными кусочками другой красной шерстяной ткани (Панкова 2020: fig. 17). На темени сохранился фрагмент накосника – кусочек полихромного шелка, пришитый с трех сторон как кармашек, а в нем пучок травы (имитация волос?) (Панкова, Миколайчук 2019: рис. 2–4). На животе куклы была найдена настоящая косичка с обломком деревянной шпильки (Панкова 2018: рис. 2, 1–2), видимо, перемещенная с головы грызунами. Кукла одета в шубу и штаны и обута в сапожки, от которых сохранились носы и передняя часть голенища (Панкова 2020; Pankova 2020: fig. 19).

В месте утраты кожи живота виден уголок футляра (рис. 2, *a*). Рентгенография куклы в области футляра, проведенная в 2012 г. в Отделе научно-технологической экспертизы Эрмитажа, показала, что в футляре подпрямоугольной формы размером около 18 × 23 см расположено плотное скопление костей. Отдельные фрагменты, выступающие за его пределы, представлены среднего размера обломками костей, заполненных губчатым веществом⁴. Хорошая сохранность куклы 1 не позволяет вынуть футляр с кремацией.

У куклы 2 кожа груди и живота, как и часть футляра под ними, сильно разрушена, так что пережженные кости оказались обнажены, что сделало возможным их извлечение и изучение.

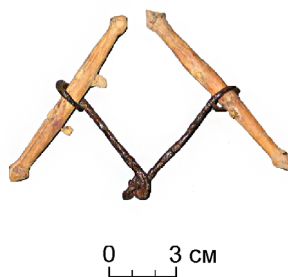
Кукла 2: расположение в могиле и сопутствующие предметы, устройство, одежда

Кукла 2 находилась в могиле под телом женщины у северной стенки сруба на толстом желобообразном куске березовой коры. Кукла представляет собой кожаный футляр, в общем виде передающий форму, размеры и пропорции человеческого тела (длина куклы 2 – 153 см). Кукла 2 сохранилась хуже куклы 1: голова и ступни утрачены, область груди разрушена, так что кости сожжения оказались на поверхности. Разрушены и плечевые части рук, а также соответствующие участки шубы. По замечанию Л.Р. Кызласова, кукла 2 «выглядит более старой, в сравнении с куклой № 1» (Кызласов, отчет: 47). Проанализировав расположение погребенных, автор раскопок предположил, что кукла 2, мумия мужчины и ребенок были помещены в сруб первыми, а позднее подхоронили мумию женщины и куклу 1 (Кызласов 1992: 67; Кызласов, Панкова 2004: 62).

Кукла 2 была похоронена в шубе и штанах. Вдоль левой ноги куклы была положена модель горита (рис. 4, *a*) (Панкова 2021), а под ним миниатюрная модель конской уздечки из ремешков с железными удилами и прямыми деревянными псалиями с заостренными шишечками, вырезанными на концах (рис. 4, *b*); здесь же лежала модель нагайки в виде палочки с ремешком. На основании этих находок Л.Р. Кызласов считал, что трупосожжение в данной кукле принадлежало мужчине-воину (Кызласов, Панкова 2004: 62).

a

b

Рис. 4. Оглахтинский могильник, могила 4. Предметы, сопровождавшие куклу 2:
a – модель горита с моделями лука и стрел; *b* – модель узды
 (Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/21; 2864/... Фото П.С. Демидова; С.В. Панковой)

При описании куклы 2 Л.Р. Кызласов упомянул «тонкий кожаный головной убор и человеческую кожу с волосами – нечто вроде скальпа», лежавшие у западной стенки сруба (Кызласов, отчет: 47). Головной убор по покрою подобен шапке мужской мумии (Панкова и др. 2010: рис. 2) и также имеет лицевое покрывало, однако то и другое плохо сохранилось. Загадочный «скальп» – «кожа, снятая с головы погребенного перед сожжением тела» (Кызласов, Панкова 2004: 63), не идентифицирован среди предметов коллекции.

Детали манекена – торс, шея, руки, ноги – сшиты встык толстой двойной сухожильной нитью. Ноги и торс сделаны из толстой слабо выделанной кожи с густым коротким рыжим ворсом, обращенным наружу. Сохранившаяся часть плеч и рук (предплечья), а также шея изготовлены из кожи без ворса (рис. 5, 6, *b*, *c*). Внутри всех частей кожаного футляра – торса, конечностей, шеи – находится травяная набивка. Согласно определению А.В. Калининой 1970 г. (Ботанический институт им. В.Л. Комарова АН СССР), это листья перистых ковылей (секции *Pennatae*), в основном *Stipa rubens* P. Smirn. (ковыль красный) с небольшой примесью ковыля Иоанна (*Stipa Joannis* Čel.) (Tarasov et al. 2021). Выпавшие отдельные витушки представлены овальными подушечками размером 9–11 × 8 см. В грудной части и некоторых других местах трава спрессована или разрушена до мелкой россыпи. Вероятно, футляр-тело был плотно набит отдельными витушками, а не сшит на какой-то единой травяной основе. Никакого дополнительного каркаса внутри манекена не прослеживается: его нет ни в разрушенной грудной части, ни в заполнении доступной для осмотра правой руки.

Сохранность куклы – фрагментарность и хрупкость кожаных частей, сыпучесть травы – не позволяет с легкостью переверачивать куклу, удалось только ненадолго взглянуть на ее спину и нижнюю поверхность ног. Торс сшит из переднего и заднего кусков кожи, края которого соединены встык вдоль боков куклы. Сверху края торса соединены по плечам, по сторонам от вшитой шеи. Верх спины из сплошного куска кожи сохранился на высоту 15 см. Нижний прямой край кожи торса сшит с верхним обрезом кожи ног, образуя прямые поперечные швы спереди и сзади (см. рис. 5, 6, *c*).

Ноги сшиты из полотнищ кожи, продольные края каждого полотнища соединены спереди по всей длине ног, дополнительно добавлены меньшие фрагменты. Левая рука манекена скрыта в рукаве шубы, который сохранился на 44 см от края манжеты. Правый рукав разрушен и видно, что рука под ним образована свернутым в уплощенный цилиндр фрагментом кожи с продольным швом по внутренней стороне руки. Сохранившаяся длина «руки» – 35 см, ее диаметр 6,5–8 см. Окончание «кисти» оформлено закруглением со сшитыми краями. Подобное закругление просматривается и у левой руки в глубине рукава. Сохранилось соединение правой руки

и торса: кожа руки пришита к торсу как втачной рукав, образуя прямой вертикальный шов. Параллельно этому шву от плечевого шва отходит короткий вертикальный шов (вытачка?) (см. рис. 5).

Образующая шею цилиндрическая деталь собрана из фрагментов, соединенных вертикальными швами: два расположены асимметрично по бокам и один сзади. Шея пришита к торсу по нижнему диаметру, внахлест. Она лучше сохранилась по бокам и сзади, где переходит в «затылок». Он сохранился на высоту 25–26 см, имеет продольный шов, продолжающий шов на шее (см. рис. 5; 6, *a*, *b*). Подобный шов есть и у куклы 1 (Панкова, Миколайчук 2019: рис. 3, 2). Небольшой прорыв в коже «затылка» куклы 2 закрыт изнутри полукруглой кожаной заплаткой (см. рис. 6, *a*).

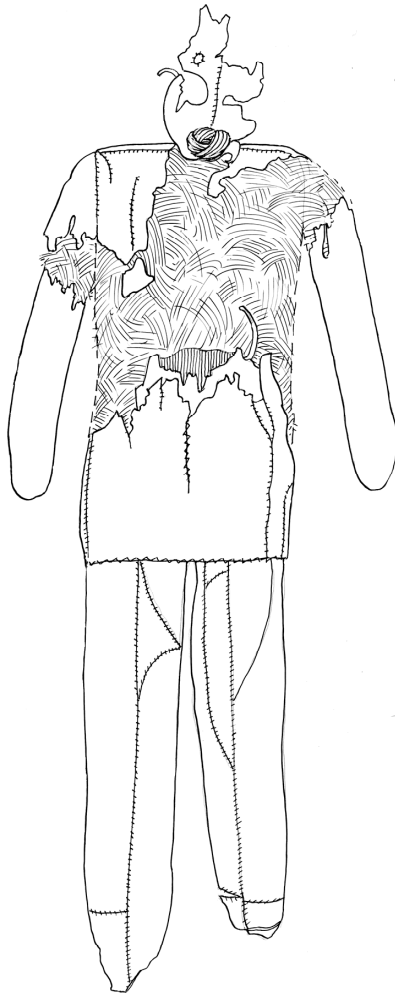

Рис. 5. Кукла 2 – кожно-травяной манекен без шубы и штанов.
Рисунок-схема А.О. Машезерской

a

b

c

Рис. 6. Фрагменты куклы 2: *a* – фрагмент кожи «затылка» со швом, волосками и заплаткой; *b* – плечи и шея куклы 2; *c* – нижняя часть живота куклы 2 и шов ее стыка с ногами; швы на животе и правой ноге. Фото К. Сияевского

На тонкой коже «затылка» снаружи сохранились отдельные тонкие белесые волоски до 1,5 см длиной (см. рис. 6, *a*). Трудно сказать, оставлены ли они специально для имитации человеческих волос и насколько густыми были раньше. Не этот ли фрагмент был назван Л.Р. Кызласовым человеческим «скальпом»? Подробные описания куклы, сделанные непосредственно после раскопок, не сохранились, видовой принадлежность кожи и волос «затылка» пока не определена.

По центру живота куклы, ниже разрушенной кожи, имеется продольный шов – зашитый встык разрез, не достигающий до соединения торса с ногами. Параллельно ему с правой стороны куклы имеется отрезок подобного шва. Центральный шов мог служить для вкладывания футляра с костями внутрь торса куклы; такой же зашитый разрез имеется у другой, лучше сохранившейся куклы как раз поверх вложенного футляра (см. рис. 2, *a*).

На куклу надет полушубок мехом внутрь, сшитый из фрагментов шкуры домашнего козла и взрослого северного оленя с оторочкой из меха лайки⁵; двойной стоячий ворот снаружи украшен фигурными аппликациями (Панкова 2020: 209–212, рис. 5) (рис. 7).

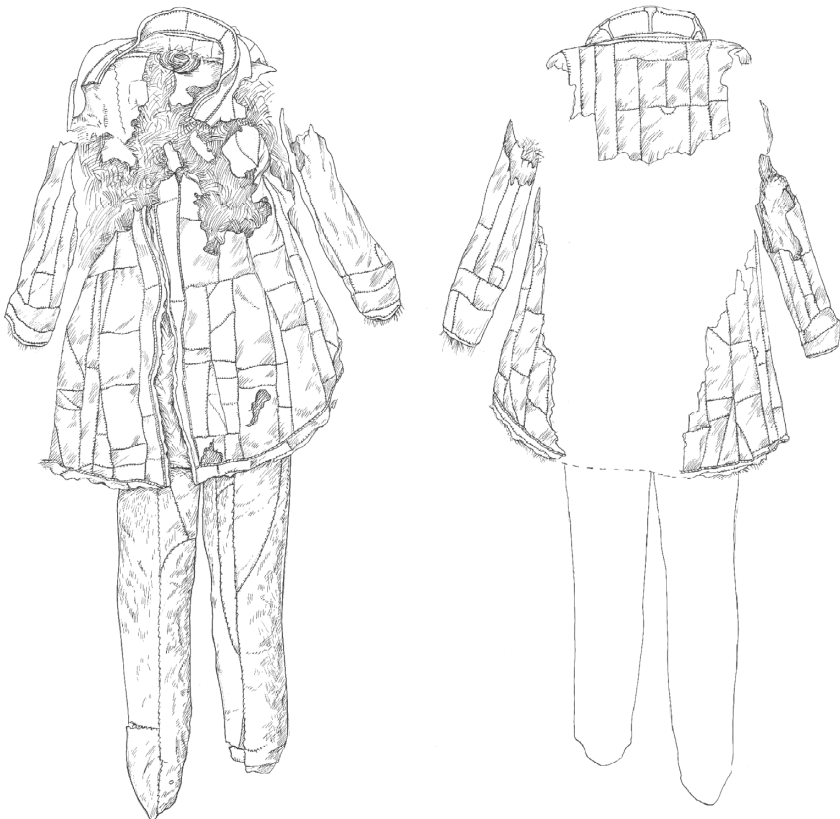

Рис. 7. Кукла 2 – кожно-травяной манекен в шубе и штанах.
Рисунок А.О. Машезерской

Тщательно сшитая шуба с многочисленными заплатками производит впечатление ношенной одежды, использованной погребенным при жизни. Штаны сделаны из шкуры домашнего козла мехом внутрь. Верх штанов прямо обрезан, передняя часть набрана из маленьких кусочков меха, имеется петелька (рис. 8). Вдоль штанин спереди проходят фронтальные рельефные швы. Задняя часть штанов сохранилась значительно хуже, и окончания штанин внизу утрачены, так что установить длину точнее, чем «чуть ниже колен», невозможно – как и в случае с похожими по покрою штанами мужской мумии. Штаны имеют многочисленные заплатки и сильно вытянуты на коленях, что позволяет считать их предметом одежды, использованным погребенным при жизни.

Рис. 8. Меховые штаны, принадлежавшие кукле 2
(длина 80 см; Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/68. Фото П.С. Демидова)

Внутри тела куклы в области живота находился уплощенный кожаный футляр прямоугольной формы (рис. 9, а). В длину он сохранился примерно на две трети (23 см), длина короткой стороны составляет 21–22 см. Футляр находился в полости куклы горизонтально (если кукла лежит), длин-

ной осью вдоль оси куклы. Сохранившаяся часть располагалась под неразрушенной частью живота куклы. В настоящее время футляр реставрируется, его кожа размягчается, расправляются заломы и складки. Кожа в основной части футляра несет следы деформации, вызванной давлением плотно лежащих фрагментов костей, однако угловые части футляра остались не заполнены. Вероятно, на момент размещения останков многие костные фрагменты были достаточно крупными, что препятствовало заполнению всего свободного пространства футляра. Все швы футляра сшиты мелкими аккуратными стежками двойной сухожильной нитью, причем швов больше, чем требуется для изготовления такого простого по крою предмета. Возможно, он был переделан из какого-то другого изделия.

Рис. 9. Футляр и кости кремации из куклы 2:
a – кожаный футляр до реставрации; *b* – кости кремации

Кожа груди и живота куклы 2, как и часть футляра под ними, сильно разрушена, пережженные кости оказались обнажены, что сделало возможным их извлечение и изучение.

Общая характеристика кремированных костных останков

Скелетные останки представлены фрагментами костей взрослого человека, большая часть которых имеет с внешней стороны белый или серый цвет (кремирована до стадии серого и белого каления), однако внутренняя сторона некоторых трубчатых костей, а также фрагменты губчатых костей имеют черный цвет. Размеры фрагментов варьируют от нескольких миллиметров до 15–16 см (рис. 9, *b*). Среди анатомически идентифицированных фрагментов представлены элементы всех отделов скелета, в том числе черепа, пояса нижних и верхних конечностей, грудного отдела (рис. 10).

Общая масса останков, находившихся в футляре на момент вскрытия погребальной куклы, составляет 919 г и несколько уступает минимальной ожидаемой величине по данным наблюдений в современных крематориях.

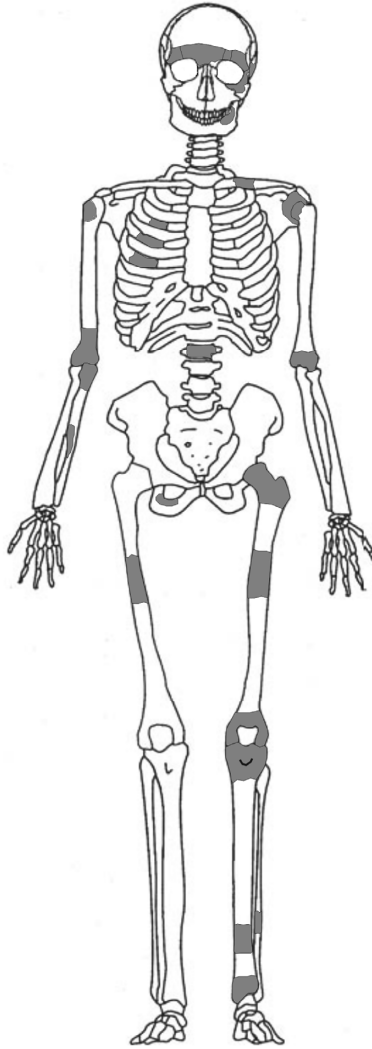

Рис. 10. Анатомически идентифицированные фрагменты скелета из кремированных костей внутри куклы 2 (отмечены серым цветом, в некоторых случаях сторона определена условно)

После кремации тела взрослого человека, протекающей в течение 1–2,5 ч с максимальной температурой от 800 до 1 200°C, общая масса костных останков варьирует от 1 до 3 кг (Bohnert, Rost, Pollak 1998: 19; Щеголев 2000; Chirachariyavej, Limburanasombat, Tiensuwan 2007: 1873; Larsson 2009: 308). Археологические кремации, как правило, имеют значительно меньший вес. Отчасти эти различия объясняются неизбежной утратой части останков при их сборе и переносе на место захоронения, отчасти – разрушительным действием различного рода пост-

депозиционных факторов. Обожженные кости отличаются повышенной хрупкостью, и не случайно трупосожжения в урнах имеют в среднем более крупные размеры и вес по сравнению с безурновыми захоронениями (McKinley 1994).

В рассматриваемом случае можно предположить, что участники погребального обряда старались собрать все наиболее крупные фрагменты костей с места проведения кремации, отделяя фрагменты костей от остатков погребального костра: среди останков из футляра не было зафиксировано ни одного уголька. Помещение останков в футляр минимизировало их фрагментацию в период после совершения захоронения.

Половозрастная характеристика костных останков

Обследование идентифицированных фрагментов показало, что кости принадлежали одному человеку, вероятно, мужчине 20–45 лет. О принадлежности останков мужчине свидетельствует величина наименьшей ширины лба (112 мм), чрезвычайно большая даже в общемировом масштабе (Алексеев, Дебеч 1964: 116). При этом восстановленный участок лобной кости таштыкца не демонстрирует характерных мужских признаков. Верхний край глазниц скорее острый, развитие надбровья может быть оценено на 1,5–2 балла, присутствуют надглазничные выемки. Однако метрические характеристики костей посткраниального скелета, в частности ширина нижнего эпифиза плечевой кости (не менее 67 мм без учета усадки костной ткани), также с высокой степенью вероятности позволяют предполагать, что останки принадлежали мужчине (Медико-криминалистическая идентификация... 2000: 272).

Маловероятно, что возраст покойного превышал 40–45 лет, так как сохранившиеся суставные поверхности фрагментов лопатки, большой берцовой, бедренной и лучевой кости не имеют каких-либо следов краевых разрастаний. Однако на сохранившихся фрагментах бедренных и плечевых костей отсутствуют также следы сращения диафизарной и эпифизарной частей, следовательно, возраст погребенного на момент смерти составлял не менее 20 лет. Сохранившийся небольшой фрагмент теменной (?) кости несет следы облитерации шва с внутренней стороны. Это может свидетельствовать о том, что погребенному в момент наступления смерти было не менее 30–35 лет. Индивидуальная изменчивость сроков облитерации швов и плохая сохранность останков делают предпочтительным определение возраста в более широких градациях: *adultus – maturus I* (20–45 лет), нежели просто *maturus I* (35–45 лет).

Максимальная температура кремации

Экспериментальные данные, полученные разными исследователями, показывают, что цвет костей может использоваться в качестве грубого

индикатора приблизительной максимальной температуры, при которой протекала кремация. Большинство костей таштыкца сожжено до стадии серого и белого каления, а значит, температура горения на поверхности костей в процессе кремации достигала не менее 700–800°C.

Проведение продолжительной высокотемпературной кремации в древности не являлось чем-то невозможным даже в условиях отсутствия специальных технических средств. Известно, что в ходе экспериментальных наблюдений за горением костра на открытом воздухе была зафиксирована температура 1 430°C, при этом в течение более 40 минут температура превышала 800°C (Shipman, Foster, Schoeninger 1984: 308). Впрочем, маловероятно, что высокотемпературное воздействие было столь продолжительным в рассматриваемом случае. Как указывалось выше, внутренняя часть значительного числа фрагментов обожжена только до состояния черного каления (обуглена), а кальцинированным оказался лишь внешний слой. Таким образом, продолжительность высокотемпературного воздействия оказалась недостаточной для полного выгорания органического компонента костей.

Период, истекший между моментом смерти и временем сожжения тела

Не только черный (иногда с глянцевой текстурой) цвет внутренней поверхности длинных костей, но и криволинейные и U-образные поперечные трещины, наличие деформаций свидетельствуют о том, что кости скелета содержали большой процент органических веществ в период, когда подвергались сожжению. Неравномерная окрашенность фрагментов костей, особенно заметная на суставных поверхностях, позволяет предположить, что, по всей вероятности, сожжению подвергалось тело с еще неразложившимися мягкими тканями и связками. По всей вероятности, тело огластинца было подвергнуто кремации в течение первых недель после наступления смерти (эта осторожная формулировка означает, что кремация могла быть проведена и в первые дни, но сегодня мы знаем, что макроскопический анализ кремированных останков, к сожалению, не позволяет устанавливать время сожжения с такой точностью).

Сбор костных останков с места совершения кремации

Необычным для археологических кремаций являются полное отсутствие среди скелетных останков идентифицированных фрагментов фаланг и других костей кисти и стопы, а также низкая доля костей черепа. Даже в современных крематориях более чем в половине случаев фаланги кисти хорошо опознаются после сожжения, при этом, как правило,

они сохраняются лучше, чем фаланги стопы (Holck 2008: 49). Кроме того, общая масса фрагментов черепа в футляре составила всего 54 г, т.е. около 6% от общей массы останков. Между тем известно, что даже в современных крематориях средняя доля идентифицированных костей черепа относительно общей массы кремированных останков варьирует в пределах 13–20% (Chamberlain 1994: 11; Gonçalves et al. 2010). Учитывая значительную общую массу останков, приходится признать, что низкая доля костей черепа не может быть удовлетворительно объяснена чистой случайностью.

Могут быть выдвинуты три основных предположения объяснения такой картины:

1. Отсутствие костей кисти и стопы может объясняться тем, что кремации было подвержено частично разложившееся тело. Кости кисти и стопы нередко первыми освобождаются от мягких тканей и связок, иногда даже раньше, чем череп отделяется от посткраниального скелета (Roksandic 2002: 102; Зайцева 2005). Эта версия является маловероятной (другие аргументы в ее пользу отсутствуют), хотя и не может быть отвергнута полностью. К тому же она не объясняет частичное отсутствие костей черепа.

2. Весьма вероятно, что при сборе останков с места кремации внимание целенаправленно уделялось наиболее крупным сохранившимся фрагментам костей. Вероятно, что мелкие кости и мелкие фрагменты крупных костей сохранялись в кострище на момент завершения кремации, однако они просто не попали на место окончательного захоронения. Эта версия согласуется с указанными выше особенностями расположения останков в футляре, заставляющими предполагать, что собранные кремированные останки сохраняли относительно крупные размеры на момент захоронения. Не совсем ясно, однако, почему в таком случае кости свода черепа, особенно затылочной области, имеющие хорошую сохранность, оказались плохо или совсем не представлены в захоронении.

3. Иногда хорошую сохранность костей стопы и кисти связывают с тем, что они более устойчивы к воздействию огня, а покрывающие их мягкие ткани имеют небольшую толщину, в других случаях с тем, что кисти и стопы часто оказываются на периферии очага возгорания (Holck 2008: 111–112). Отсутствие этих элементов скелета и низкую долю костей черепа у таштыкца можно было бы рассматривать как следствие их попадания в зону высокотемпературного воздействия и разрушения в процессе кремации, что, в свою очередь, предполагает широкую (относительно площади сжигаемого тела) площадь костра и высокую продолжительность горения. Однако выше уже указывалось следующее: характеристики сохранившихся костей свидетельствуют о том, что участниками обряда, по-видимому, не ставилась цель длитель-

ного поддержания интенсивного горения (высокой температуры) костра. Следовательно, более вероятно, что при сборе останков не просто отдавалось предпочтение крупным фрагментам из центральной части кострища перед мелкими, но и центральной области кострища уделялось больше внимания, чем периферийной, а верхним слоям больше, чем нижним.

Таким образом, характеристика останков становится более понятной, если исходить из избирательного подхода участников обряда к останкам уже после завершения кремации, нежели из особенностей непосредственно ее проведения. Очевидно также, что надежные заключения о погребальной обрядности быть могут получены лишь при работе с серией сходных кремаций из других кукол-манекенов. Даже самый тщательный анализ единичных захоронений не позволяет учитывать фактор случайной вариативности фиксируемых антропологами параметров.

Выводы из изучения костей кремации из куклы 2

Скелетные останки из таштыкской куклы, по всей вероятности, принадлежали мужчине 20–45 лет. Кремация тела была проведена в течение первых недель после наступления смерти, до времени распада связок и разложения мягких тканей. Максимальная приблизительная температура кремации составляла не менее 700–800°C, однако очевидно, что участники погребального обряда не стремились поддерживать высокую температуру в течение всего процесса трупосожжения. После кремации большая часть костных останков была собрана, очищена от остатков погребального костра и затем (вероятно, без преднамеренного разрушения и дробления) помещена в футляр. Отсутствие в нем идентифицированных костей кисти и стопы, низкая доля костей черепа свидетельствуют либо о широкой площади костра, либо о том, что при сборе останков отдавалось предпочтение крупным фрагментам. Поскольку отдельные фрагменты длинных костей сохранили крупные размеры и в футляре, весьма вероятно, что сбор останков и очищение от остатков кострища происходили уже после того, как останки остыли до температуры окружающей среды.

Важно отметить, что при работе с археологическими материалами не только реконструкция погребальной обрядности и культурных традиций сопряжена с неизбежными трудностями в интерпретации, обусловленными недостатком необходимой информации, но и даже простое сопоставление характеристик кремированных останков таит в себе высокие риски ошибочных заключений.

Так, может показаться, что различия между характеристиками кремированных останков из исследованных к настоящему времени та-

штыкских захоронений свидетельствуют о существенных вариациях погребального обряда. Например, кости из оглахтинской куклы и захоронений под каменными выкладками из могильника Маркелов мыс II (Митько, Николаева 2016) отличаются по целому ряду параметров: в Маркеловом мысе II существенно ниже средние размеры фрагментов и масса останков, встречаются фаланги пальцев, часть останков, вероятно, принадлежит женщинам. Сходство между захоронениями состоит в высокой температуре кремации и предположительно коротких сроках между смертью и сожжением.

С одной стороны, кремации под каменными выкладками представляют иной тип таштыкских захоронений, нежели грунтовые могильники, и относятся, по мнению авторов публикации, к позднеаташтыкскому времени (103). Поэтому соблазнительно интерпретировать различия между характеристиками останков как обусловленные культурно или хронологически. В частности, авторы исследования Маркелова мыса II предположили, что останки подвергались преднамеренному дроблению, поскольку фрагменты имеют мелкие размеры. Крупные размеры останков из оглахтинской куклы делают излишними такие предположения, как и в случае с кремациями из исследованных Э.Б. Вадецкой таштыкских могильников, средние размеры фрагментов костей в которых достаточно велики (до 8–10 см) (1986: 37).

С другой стороны, все очевидные отличия между захоронениями из грунтовых могильников и под каменными выкладками, за исключением средней массы останков, могут и не иметь никакой культурной основы. Присутствие или отсутствие фаланг пальцев является статистическим фактом, который нельзя учитывать при сравнении с единичными захоронениями. Это же замечание справедливо по отношению к присутствию женских кремаций, идентификация которых к тому же сопряжена с ошибками установления пола, избежать которых невозможно даже при работе с целыми скелетами. Кроме того, значительные различия в средних размерах костных фрагментов не требуют привлечения гипотез о практике преднамеренного дробления костей, поскольку в первую очередь обусловлены неравной степенью защищенности останков от фрагментации в условиях вариативности внешней среды. Костные останки, находившиеся в куклах, в среднем имеют более крупные размеры, чем останки из захоронений под каменными выкладками, просто потому что лучше защищены от разрушительного воздействия различных постдепозиционных факторов, чем вторые. Костные фрагменты в безурновых захоронениях и захоронениях, в которых останки были потревожены, статистически чаще имеют меньшие размеры (McKinley 1994).

Эти наблюдения имеют характер статистической закономерности. Показательно, что два скопления кремированных костей, обнаружен-

ных в 2020 г. в могилах 1 и 2 Центрального участка того же Оглахтинского могильника, имеют большую общую массу останков (1 113 и 815 г), хотя включают в себя преимущественно мелкие фрагменты (Зайцева и соавт., этот сборник). По определениям И.Г. Широбокова останки в обоих скоплениях принадлежали взрослым людям, однако пол установить не удалось. Среди идентифицированных фрагментов в обоих случаях присутствовали элементы всех отделов скелета, в том числе кости кисти и стопы. Как и в других случаях, на кальцинированных фрагментах зафиксированы различные типы трещин, в том числе дугообразные. Это согласуется с предположением о том, что сжигание тел осуществлялось до разложения мягких тканей.

Масса костей кремации из могилы 1 – 1 113 г, т.е. больше минимальной ожидаемой (1 000 г), что является редкостью при работе с археологическими кремациями и чаще характеризует захоронения в урнах и других емкостях, что соответствует реконструируемой ситуации захоронения костей в кукле-манекене, несохранившейся ко времени раскопок (Зайцева и соавт., этот сборник). Кремированные останки из могилы 2 – каменного ящика – также были помещены в футляр, в данном случае сохранившийся, берестяной.

Таким образом, в качестве действительного важного дифференцирующего признака, значительные различия в величине которого между Оглахтинским могильником и Маркеловым мысом II невозможно объяснить средовыми (не связанными с преднамеренными действиями человека) факторами, может рассматриваться только средняя общая масса останков. Культурное значение этих различий неизвестно, но во всяком случае можно утверждать, что в рамках одного варианта обряда важное значение придавалось сбору и захоронению большей части останков, тогда как другой предполагал совершение погребений символической доли «праха», а о судьбе основной части скелетных останков остается лишь догадываться.

Индивидуальная вариативность отдельных характеристик кремированных останков из погребений, совершенных даже в рамках единой культурной традиции, может быть довольно значительна. Надежность заключений несомненно будет возрастать при условии, что сопоставляются группы захоронений, объединенных по территориальному, культурному или хронологическому принципам. Но и работа с массовым материалом не является гарантией от совершения систематических ошибок.

Фиксируемые антропологами и археологами параметры кремаций не всегда идентичны исходным (актуальным на период совершения захоронения). Корректный сравнительный анализ кремаций, происходящих из разных захоронений, требует учитывать как общую массу костных фрагментов, так и относительную долю конкретных элементов скелета (особенно костей черепа, легче других поддающихся идентификации).

Он требует также оценивать возможное влияние внешних факторов на фрагментацию и объем останков, наличие и целостность емкостей для размещения трупосожжений, как фактически зафиксированных во время археологических исследований, так и реконструируемым по косвенным признакам. Важным этапом анализа должно быть выделение тех комплексов признаков, которые хорошо дифференцируют исследуемые серии захоронений, но при этом отличаются низкой внутригрупповой вариабельностью. Разумность этих замечаний вряд ли поставит под сомнение хотя бы один исследователь, но на практике оказывается довольно сложно удержаться от упрощенного подхода к анализу. Систематическое изучение таштыкских кремаций требует пристального внимания со стороны как заинтересованных научных коллективов, так и критически настроенных исследователей.

Половая принадлежность кукол и мумий

Принадлежность кремированных останков из куклы 2 мужчине согласуется с данными Э.Б. Вадецкой о преимущественном сожжении тел мужчин. Кремация из куклы 1 пока не исследована, так как хорошая сохранность манекена и целостность футляра не позволяют извлечь кости без причинения ущерба этому уникальному объекту. Предположение о мужской принадлежности этого захоронения ранее неоднократно высказывалось на основании сходства «лица» куклы 1 с маской мужской мумии из той же могилы 4 (Кызласов 1992; Вадецкая 1986; Панкова 2018): и ткань на лице куклы, и гипсовая маска на мумии ярко-красного цвета, с горизонтальными полосами черной росписи, обе охватывают не только лицо, но и уши; сверху маски имеется прямоугольный вырез для уложенной на темени косицы, на верхней части тканевого лица куклы был пришит прямоугольный шелковый наконечник, очертаниями подобный вырезу маски. По-видимому, в обоих случаях отражено посмертное оформление мужского лица и мужская прическа. В соответствии с оглахтинским «стандартом», «по-мужски» – красной шелковой тканью с горизонтальными черными полосами – оформлена лицевая часть головы куклы из раскопок 1903 г. (Вадецкая 2009: рис. 57–59)⁶.

Добавим, что о принадлежности куклы 1 мужчине могут свидетельствовать и ее штаны. Они подобны штанам куклы 2 и мужской мумии, тогда как женщина из могилы 4 погребена в юбке (Панкова 2005; Pankova 2020: fig. 11, 15).

Косвенными аргументами для отнесения сожжений/кукол к числу мужских погребений могут служить находки с ними предметов вооружения, вернее их моделей. С куклой 2 из могилы 4 Оглахтинского могильника найдена модель горита (Панкова 2021), с сожжениями в мо-

гильниках Комаркова-Песчаная, Староозначенская Переправа-1 и Черноозерное-2 – деревянные модели кинжалов в ножнах (Вадецкая 1999: 49, 271; Тетерин, Готлиб 2006). Правда, в Комарковой-Песчаной (могила 47) известна и находка модели ножен у скелета женщины (Вадецкая 1999: 274), так что судить о поле погребенных по сопутствующему инвентарю нужно с осторожностью, отдавая предпочтение антропологическим (и по возможности генетическим) определениям.

Таким образом, предположение о принадлежности кремаций мужчинам подтверждается на примере захоронений в куклах из могилы 4 Оглахтинского могильника. Здесь же, однако, была обнаружена и мумия мужчины, так что вопрос о гендерной специфике способов погребения в таштыкских грунтовых могильниках остается открытым. Видимо, состав общества и дифференциация погребальных норм были более сложными, чем представляется из простого разделения погребенных на кремируемых мужчин и предаваемых земле женщин. Для объективной оценки ситуации необходимо исследование большого массива данных из разных таштыкских грунтовых могильников.

Возможности интерпретации погребальных кукол

Только двоим исследователям – А.В. Адрианову в 1903 г. и Л.Р. Кызласову в 1969 г. – посчастливилось раскопать сохранившиеся таштыкские погребальные куклы и составить о них непосредственное представление, хотя связь кремированных костей с «чучелами» была понята только после раскопок 1969 г. После этого присутствие кукол с сожжениями во многих таштыкских могилах уверенно реконструировалось исходя из расположения костей кремаций на свободном пространстве, достаточном для размещения человеческого тела. Однако сами сохранившиеся куклы до недавнего времени не были опубликованы, что определило скорее условное представление об этих уникальных находках и редкие попытки их объяснения.

Л.Р. Кызласов считал, что мумии и куклы отражали две различные традиции воссоздания облика умерших, одновременно существовавшие в таштыкской культуре: мумификацию и имитацию: «Имитация совмещает черты пришлого и местного обрядов, ибо содержит трупосожжение, сохраняя внешнее подобие трупоположения. Очевидно, что при похоронах люди пытались создать иллюзию единого обряда трупоположения, в ту эпоху преваляровавшего среди местного населения, хотя часть новопоселенцев предпочитала вершить исконный для них обряд трупосожжений» (Кызласов, Панкова 2004: 63). Появившийся в Минусинской котловине обряд кремации Л.Р. Кызласов связывал с «пришедшими с юга тюркоязычными гянгунями-кыргызами» (Кызла-

сов 1960: 162–165; Кызласов, Панкова 2004: 63), хотя и не предлагал для них археологических соответствий за пределами Южной Сибири.

Э.Б. Вадецкая считала, что «...очевидная новизна обряда кремации трупов позволяет предполагать, что ее осуществляли в отношении неместного населения, во всяком случае, на ранних таштыкских кладбищах, где приблизительно равное число людей кремировано и похоронено без кремации (Комаркова, Абаканская управа)» (1999: 46–48). По мнению Э.Б. Вадецкой, кремировались только мужчины, отличавшиеся от погребенных по обряду ингумации этнически и антропологически (174). Правда, не обнаружив «следов мигрантов с обрядом трупосожжения на подступах к Саяно-Алтаю», Э.Б. Вадецкая допустила местное возникновение обряда кремации на Енисее (184–185), свидетельство чему она увидела в единичных кремациях Тепсея VII с предметами еще хуннско-тесинского облика (Пшеницына 1979: рис. 48–52; Вадецкая 1999: 185–187).

Поиск истоков обряда кремации действительно осложнен тем, что находки соответствующих погребений на сопредельных и даже отдаленных территориях единичны и пока непонятны (Кызласов 1979: 99, 114–115; Семёнов 1979), либо контекст кремаций и сопутствующий инвентарь не позволяют видеть в них прототипы для раннеташтыкских сожжений (Ширин 2003: 131–132, 138–142; Мандрыка 2018; Сенотрусова 2021); наконец, погребения по обряду сожжения легче подвержены разрушению или могли остаться необнаруженными.

Похоже, по мнению обоих исследователей, только обряд кремации являлся новшеством в Южной Сибири, а не имитирующие/воссоздающие/сохраняющие тело манекены. Э.Б. Вадецкая связывала манекены с местной традицией: «...общие приемы обшивки кожей жестких жгутов травы» использовались для изготовления и таштыкских кукол, и так называемых “минусинских мумий” из позднеатагарских/тесинских склепов (в основе которых кости скелетов. – *С.П., И.Ш.*) (Вадецкая 1999: 175–176). Общим для таштыкцев и склепных тесинцев назван и обычай многоактных похорон и длительного хранения тел перед погребением, являющийся, по Вадецкой, местной традицией и связанный с природными условиями Сибири (промерзание земли зимой) и(или) хозяйственным укладом населения – сезонными перекочевками между летниками и зимниками. На существование обычая длительного хранения тел у минусинского населения, оставившего таштыкские грунтовые могильники, указывают свидетельства совершения вторичных погребений, наблюдения о подновлении или ремонте масок и факт трепанации большинства таштыкских черепов – знак вероятного проведения консервирующих процедур с головами и(или) телами умерших. Последнее подтвердилось выявленным фактом мумификации головы одного из оглахтинцев (Ширококов, Панкова 2021a, 2021b).

Итак, Л.Р. Кызласов объяснял помещение кремации в манекены *имитацией единого обряда ингумации*, принятого у местного населения, а Э.Б. Вадецкая связывала его с местной же *традицией воссоздания тел из-за отложенных похорон*, в данном случае примененной к сожженным, т.е. намеренно разрушенным останкам. На наш взгляд, воссоздание тел умерших – кремированных или нет – могло быть связано с необходимостью их присутствия при проведении каких-то ритуалов в период между смертью и похоронами, когда мумия или кукла, заменявшая покойного, еще продолжала находиться среди живых.

При всей редкости археологически фиксируемого обряда кремации в куклах, он все же находит аналогии в культурах Центральной Азии и Китая (Pankova et al. 2020). Именно такой обряд – помещение кремированных останков в антропоморфный объемный манекен из органических материалов – подозревал М.П. Грязнов в андроновских захоронениях могильника Тау-гары в Южном Казахстане, керамика которых отличалась смешением федоровских и алакульских характерных признаков: «В могилах погребен пепел сожженных умерших, но могилы вырыты таких размеров и формы, как будто бы в них хоронили целые трупы умерших. Длина могил 170–240 см, ширина 80–120 см. Можно предполагать, что в могилу кроме пепла погребали также какое-то подобие умершего, сшитое из мягких материалов и, вероятно, одетое в одежды умершего. Очевидно, этим и объясняется, что находимые в могилах предметы украшения, как-то: подвески, серьги, бусы, в том числе стеклянные и легкоплавкие сурьмяные, – не имеют следов пребывания на огне. Так как горшки стоят в восточном конце могилы, а в андроновских могилах посуду ставили в головах погребенного, надо предполагать восточную ориентировку погребенных подобий умершего» (Грязнов 1970: 37).

Доказательства правоты М.П. Грязнова были вскоре получены Н.В. Виноградовым на могильнике Кулевчи VI эпохи поздней бронзы в Южном Зауралье: здесь по анализу микропланиграфии находок (бронзовых деталей наконечника и украшающих обувь бус) реконструировано былое присутствие объемного антропоморфного изображения – «куклы» – с кремированными костями (Виноградов 1984: 151)⁷.

В обоих памятниках присутствовали как федоровские, так и алакульские культурные маркеры. По мнению Н.В. Виноградова, специфика погребений с кремациями в куклах отражает процесс интеграции групп федоровских мигрантов из степей Центрального Казахстана в алакульские общины Южного Зауралья с образованием семейно-брачных отношений, а также желание федоровцев сохранить культурные традиции в условиях невозможности этнического и культурного обособления (Виноградов 2020: 117, 119, 122). Позднее и другие исследователи отмечали вероятное присутствие «кукол» в целом ряде погребений с кремациями в памятниках этого периода.

Захоронения кремированных костей в деревянных и соломенных куклах в человеческий рост с подвижными сочленениями известны и в значительно более поздних памятниках – семейных гробницах периода династии Ляо (907–1125 гг.) в провинциях Хебей и Внутренняя Монголия КНР (Steinhardt 1998; Shen 2005). Многочисленные сопроводительные надписи, отражающие идеи буддийского и даосского содержания, объясняют и иллюстрируют гибридный характер обряда погребения, а также показывают, что погребенных и членов их семей не смущали коренные различия в «посмертной» идеологии буддизма и даосизма: по буддийской традиции для достижения вечной жизни нужно было избавиться от тела, а по даосской, наоборот, сохранить его как залог продолжения существования в загробном мире. Следование обеим традициям в погребальной практике могло рассматриваться как своего рода «двойная страховка» для преодоления смерти (Shen 2005). Такой синкретизм соответствовал и сочетанию «варварских» (киданьских) и китайских традиций в обществе под началом династии Ляо (Steinhardt 1998).

Таштыкские куклы с сожжениями в пределах своего хронологического пласта пока уникальны, но в них, по-видимому, также отразилась ситуация взаимодействия разных мировоззренческих традиций, существовавших в рамках одного коллектива. В отличие от ляоских манекенов, присутствие «тел» покойных у населения Минусинской котловины могло быть необходимо не столько для посмертного существования, сколько для осуществления предпохоронных ритуалов. Впрочем, для реконструкции представлений оглахтинцев о «загробной жизни» данных явно недостаточно.

Заключение

Приведенное описание куклы из оглахтинской могилы 4 и результаты исследования защитых в ней кремированных костей предоставляют новые фактические данные по таштыкским грунтовым захоронениям, совершенным по обряду кремации. Несмотря на единичность изученного погребения, они дают детальную информацию, которая в дальнейшем может быть использована при работе с другими таштыкскими кремациями и при рассмотрении погребального обряда и половозрастных характеристик погребенных в таштыкских грунтовых могильниках.

Изучение костей показало, что они принадлежали мужчине 20–45 лет. Кремация тела была проведена в течение первых недель после наступления смерти, до времени распада связок и разложения мягких тканей. Максимальная приблизительная температура кремации составляла не менее 700–800°C, однако очевидно, что участники погребального обряда не стремились поддерживать высокую температуру в течение всего процесса трупосожжения. После кремации большая часть

костных останков была собрана, очищена от остатков погребального костра и помещена в кожаный футляр, вложенный в область живота куклы. Отсутствие в составе скопления идентифицированных костей кисти и стопы и низкая доля костей черепа свидетельствует либо о широкой площади костра, либо о том, что при сборе останков отдавалось предпочтение крупным фрагментам из центральной части кострища.

Параллели таштыкским манекенам с кремациями, зафиксированными в других культурах Азии, отражали, по мнению их исследователей, взаимодействие разных мировоззренческих традиций, существовавших в рамках одного поликультурного коллектива. Такое объяснение актуально и для оглахтинских/таштыкских кукол с костями сожжений, появившихся в обществе, где на протяжении нескольких веков уживались разные обряды погребений. Специфика каждого из них еще требует дальнейшего исследования, в первую очередь путем сравнительного изучения кремаций и ингумаций с культурной (контекстной, археологической) и биологической точек зрения.

Примечания

1. В монографии В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (1984) приведены средние значения признаков в сборной таштыкской серии, измеренной И.И. Гохманом, но, к сожалению, в ней не указаны даже названия памятников.
2. Образцы погребенных в могиле 4 мужчины, женщины и ребенка были переданы для изучения их ДНК в две лаборатории, однако результаты пока не получены.
3. Возраст ребенка, по Л.Р. Кызласову, 6–7 лет, тогда как антрополог Е.Н. Учанева (МАЭ РАН) определила череп как принадлежащий подростку 12 лет.
4. Благодарим заместителя заведующего ОНТЭ С.В. Хаврина за проведение этого исследования.
5. Определение заведующего лабораторией млекопитающих ЗИН РАН Н.К. Верещагина, 1970 г.
6. Связь определенных видов росписей таштыкских масок с полом погребенных наиболее ярко отражена в масках из оглахтинской могилы 4: маска на лице мужчины сплошь красная с черными горизонтальными полосами, на лице женщины – белая с красными щеками, лбом и спиральными узорами (Вадецкая 2009: рис. 98–99). Маска с росписью в виде спиралей принадлежала женщине из могильника Абакано-Перевоз I (Вадецкая 2009: рис. 103). По-прежнему справедливо замечание Э.Б. Вадецкой, что «маски в грунтовых могилах обычно сохраняются во фрагментах, поэтому на массовом материале нельзя проверить, насколько их раскраска определяла пол погребенного». Однако здесь же Э.Б. Вадецкая отмечает, что все же в могилах преимущественно встречаются фрагменты белых масок с красными узорами, связывая этот факт с преобладанием женщин среди погребенных по обряду ингумации (1986: 35). Среди единичных сохранившихся кукол нет таких, чьи лица были бы оформлены подобно росписи женских масок. Правда необходимо обратить внимание на описание, данное А.В. Адриановым единственной гипсовой маске с головы куклы (обшитого кожей травяного кома из оглахтинской могилы 2, раскопки 1903 г.). Согласно этому описанию, маска была двойной, и у верхней (внешней) маски «за правой бровью на виске сделана красной краской спираль в 1,5 оборота» (Адрианов, б. г.: л. 8–9, инв. № 24/69; целиком не сохранилась).
7. Благодарим В.С. Бочкарева (ИИМК РАН), познакомившего нас с этой информацией.

Архивные материалы

Адрианов А.В. Оглахтинский могильник. Без года [Опись находок из Оглахтинского могильника, переданных в Красноярский городской общественный музей] // МАЭС им. В.М. Флоринского. ТГУ. Дело № 55/6. На 9 листах.

Литература

- Алексеев В.П.* Материалы по палеоантропологии населения Минусинской котловины времени таштыкской культуры // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1954. Вып. 20. С. 52–58.
- Алексеев В.П.* Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XX. М.; Л., 1961. С. 238–327.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Вадецкая Э.Б.* Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 173–183.
- Вадецкая Э.Б.* Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 186. С. 33–41.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение» (Archaeologica Petropolitana, VII), 1999.
- Вадецкая Э.Б.* Древние маски Енисея. Красноярск: Версо, 2009.
- Виноградов Н.Б.* Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. Вып. 3. С. 136–153.
- Виноградов Н.Б.* Антропоморфные «куклы» в погребальной обрядности могильника Кулевчи VI // Поволжская археология. 2020. Вып. 1 (31). С. 117–123.
- Грачев И.А.* Новые данные о раннесредневековых памятниках Южной Сибири // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 28–32.
- Грязнов М.П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // Краткие сообщения Института археологии. 1970. Вып. 122. С. 35–38.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. IV). М., 1948.
- Дедик А.В.* Погребения по обряду кремации как источник информации о населении Нижнего Приангарья в финале раннего железного века // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий. Тезисы международной конференции (Красноярск, 20–22 октября 2020 г.). Красноярск: СФУ, 2020. С. 51.
- Добровольская М.В.* К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. С. 85–97.
- Зайцева О.В.* Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Наука, 1960.
- Кызласов Л.Р.* Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции Московского Государственного Университета в 1969 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 4010.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: МГУ. 1979.
- Кызласов Л.Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992.

- Кызласов Л.Р., Панкова С.В. Татуировка древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // Сообщения Государственного Эрмитажа LXII. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 61–67.
- Мандрыка П.В. Бронзовый и ранний железный век в Южной тайге Среднего Енисея и Низовьев Ангары: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2018.
- Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта. М., 2000.
- Митько О.А., Николаева Т.А. Особенности погребального обряда таштыкского населения (по данным антропологического анализа захоронений под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс II) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 98–105.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В. Таштыкская кремация: проблемы интерпретации (по материалам исследования могильника Староозначенская переправа I) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. С. 132–142.
- Панкова С.В. Композитная юбка из могильника Оглахты в Южной Сибири // VI конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: тезисы докладов. СПб., 2005. С. 159–160.
- Панкова С.В. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г.В. Дзужневской) / отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 132–139.
- Панкова С.В. Меховые одежды 26 могильника Оглахты: шубы из погребения 4 // Археологические вести. Вып. 26. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 202–215.
- Панкова С.В. Модель горита из Оглахтинского могильника // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 460–474. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).
- Панкова С.В., Миколайчук Е.А. Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 г.) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция: Материалы Российско-Германского семинара (Москва, 11–13 марта 2018 г.) / отв. ред. И.И. Ёлкина, М. Вагнер, П.Е. Тарасов. Москва; Оппенхайм-на-Рейне: ИА РАН; Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, 2019. С. 108–141. (Archaeology in China and East Asia. Т. 7).
- Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачёв В.А., Зайцева Г.И. Радиоуглеродное датирование оглахтинской гробницы методом «wiggle matching» // Археология, этнография, антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 46–56.
- Пшеницына М.Н. Тесинский этап. Комплекс археологических памятников и горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70–88.
- Семёнов В.А. Археологические памятники конца I тыс. до н.э. в Саянском каньоне Енисея // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 87–89.
- Сенотрусова П.О. Таштыкские вещи в комплексах финала раннего железного века в нижнем течении Ангары // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию д.и.н. Э.Б. Вадецкой и д.и.н. Г.А. Максименкова (19–21 апреля 2021 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 118–119.
- Тетерин Ю.В., Готлиб А.И. Модели кинжалов таштыкской культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). С. 141–149.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003.

- Ширококов И.Г., Панкова С.В.* Данные компьютерной томографии в изучении головы мужской мумии из погребения № 4 Оглахтинского могильника // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: материалы международной конференции, посвященной 85-летию д.и.н. Э.Б. Вадецкой и 90-летию д.и.н. Г.А. Максименкова. 19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2021а. С. 107–109.
- Ширококов И.Г., Панкова С.В.* Данные компьютерной томографии в изучении головы мужской мумии из могилы 4 Оглахтинского могильника // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: сборник статей, посвященных 85-летию Э.Б. Вадецкой и 90-летию Г.А. Максименкова. Археологические вести. № 33. СПб.: ИИМК РАН, 2021б (в печати).
- Щеголев С.Б.* Судебно-медицинская экспертиза кремированных останков (экспериментальное и практическое исследование): автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2000.
- Bohnert M., Rost T., Pollak S.* The degree of destruction of human bodies in relation to the duration of the fire // *Forensic Science International*. 1998. Vol. 95. P. 11–21.
- Chamberlain A.* Human remains. London, 1994.
- Chirachariyavej T., Limburanasombat S., Tiensuwan M.* The relationship between bone and ash weight to body weight and body length of Thai corpses in Bangkok and central part of Thailand after cremation // *Journal of the Medical Association of Thailand*. 2007. Vol. 90, № 9. P. 1872–1878.
- Gonçalves D., Duarte C., Costa C., Muralha J., Campanacho V., Costa A.M., Angelucci D.E.* The Roman cremation burials of Encosta de Sant'Ana (Lisbon) // *Revista Portuguesa de Arqueologia*. 2010. Vol. 13. P. 125–144.
- Fairgrieve S.I.* Forensic cremation. Recovery and analysis. New York, 2008.
- Holck M.D.* Cremated bones. A medical-anthropological study of an archaeological material on cremation burials. Oslo, 2008.
- Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // *Human Genetics*. 2009. Vol. 126 (3). P. 395–410.
- Larsson A.M.* Breaking and making bodies and pots. Material and Ritual Practices in Sweden in the Third Millennium BC. Uppsala, 2009.
- McKinley J.I.* Bone fragment size in British cremation burials and its implications for pyre technology and ritual // *Journal of Archaeological Science*. 1994. Vol. 21. P. 339–342.
- Nikolaev N.N., Pankova S.V.* After the Scythians // *Scythians: Warriors of Ancient Siberia* / eds. St.J. Simpson, S. Pankova. London: Thames and Hudson, 2017. P. 322–351.
- Pankova S.* Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia // Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / eds. St.J. Simpson, S. Pankova. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 373–396.
- Pankova S., Long T., Leipe Ch., Tarasov P., Wagner M.* Oglakhty, Russland. Die Menschen von Oglakhty in Südsibirien: Welchen Platz hatten sie in der Geschichte Eurasiens im frühen ersten Jahrtausend n. Chr.? // *E-Forschungsberichte*. 2020. Deutsches Archäologisches Institut. Is. 2. P. 66–80. URL: <https://publications.dainst.org/journals/index.php/efb/article/view/2595/7094>
- Roksandic M.* Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior // *Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives*. Boca Raton; London; New York; Washington, 2002. P. 100–117.
- Shen H.* Body Matters: Manikin Burials in the Liao Tombs of Xuanhua, Hebei Province // *Artibus Asiae*. 2005. Vol. 65, № 1. P. 99–141.
- Shipman P., Foster G., Schoeninger M.* Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage // *Journal of Archaeological Science*. 1984. Vol. 11. P. 307–325.

- Steinhardt N.S.* Liao Archaeology: Tombs and Ideology along the Northern Frontier of China // *Asian Perspectives*. 1998. Vol. 37, № 2. P. 224–244.
- Tallgren A.M.* The South Siberian cemetery of Oglakhty from the Han period // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. XI: Helsinki. 1937. P. 69–90.
- Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Panteleev A.V., Brandt L.Ø., Kyzlasov I.L., Wagner M.* New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE // *Quaternary international*. Special issue, Holocene Environments, Human Subsistence and Adaptation in Northern and Eastern Eurasia. 2021. In print.

Статья поступила в редакцию 11 июня 2021 г.

Burial Mannequin with Cremains from the Grave 4 of the Oglakhty Burial Ground (Excavations by L.R. Kyzlasov, 1969)

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/33/3

Svetlana V. Pankova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); The State Hermitage Museum (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: svpankova@gmail.com

Ivan G. Shirobokov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ivansmith@bk.ru

The research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme

Abstract. The funeral practice of Tashtyk ground burials (early stage of the Tashtyk culture, Minusinsk basin) combined those made according to two different rites: inhumation with evidences of probable mummification (crania trepanation) and cremation with bones placed in human-like mannequins. This biritualism is generally considered as a result of the heterogeneity of the early Tashtyk society, which included migrants who incorporated the tradition of the cremation. Age and sex analyses of individuals buried in the Tashtyk cemeteries excavated by E.B. Vadetskaya showed that men were mostly cremated, while women, as a rule, were buried according to the rite of inhumation. Both conclusions however are not sufficiently proved and need further justification and concretization on the base of the wide materials of both cultural (archaeological) and biological (physical anthropology and genetic) character. Complex of grave 4, Oglakhty cemetery (AD 3–4 centuries) thanks to the well preserved organic remains provides a unique opportunity of considering in conjunction both cultural and biological characteristics of individuals buried here – two mummies and two mannequins. Possible subjectivity of the conclusions, related to the individual character of the source data, can be partly made up for their detailed character. Cultural features of all adult people from grave 4 as well as craniological data of the male mummy have been considered in the previous papers of the authors. Current paper is devoted to a mannequin with cremated bones. Detailed description of the mannequin, its cloths and a leather pocket containing cremated bones is given here for the first time as well as results of the bone analyses. Large size of the bone fragments allowed their age and sex determination and gave an idea on the very process of cremation. An overview of the scarce parallels to the Oglakhty mannequins known from the other cultures is given which is important for the further interpretation of the Tashtyk materials.

Keywords: Southern Siberia, Khakassia, Oglakhty burial ground, Tashtyk culture, mannequins, cremation, burial rite

References

- Alekseev V.P. Materialy po paleoantropologii naseleniia Minusinskoï kotloviny vremeni tashtytskoi kul'tury [Materials on the paleoanthropology of the population of the Minusinsk Basin during the Tashtyk culture]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR* [Brief communications of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. 1954. Vol. 20, pp. 52–58.
- Alekseev V.P. Paleoantropologiya Khakasii epokhi zheleza [Paleoanthropology of Khakassia during the Iron Age]. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Vol. XX. Moscow, Leningrad, 1961, pp. 238–327.
- Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Cranometry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka, 1964.
- Alekseev V.P., Gokhman I.I. *Antropologiya aziatskoi chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka, 1984.
- Bohnert M., Rost T., Pollak S. The degree of destruction of human bodies in relation to the duration of the fire, *Forensic Science International*, 1998, Vol. 95, pp. 11–21.
- Chamberlain A. *Human remains*. London, 1994.
- Chirachariyavej T., Limburanasombat S., Tiensuwan M. The relationship between bone and ash weight to body weight and body length of Thai corpses in Bangkok and central part of Thailand after cremation, *Journal of the Medical Association of Thailand*, 2007, Vol. 90, no. 9, pp. 1872–1878.
- Debets G.F. *Paleoantropologiya SSSR*. (Trudy Instituta Etnografii. Novaia seriia. Vol. IV) [Paleoanthropology of the USSR. (Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series. Vol. IV)]. Moscow, 1948.
- Dedik A.V. Pogrebeniia po obriadu krematsii kak istochnik informatsii o naselenii Nizhnego Priangaria v finale rannego zheleznogo veka [Cremation Burials as a Source of Information about the Population of the Lower Angara Region in the Final of the Early Iron Age]. In: *Mezhdistsiplinarnye arkheologicheskie issledovaniia drevnikh kul'tur Eniseiskoi Sibiri i sopredel'nykh territorii. Tezisy mezhdunarodnoi konferentsii* (Krasnoiarsk, 20–22 oktiabria 2020 g.) [Interdisciplinary Archaeological Studies of Ancient Cultures of Yenisei Siberia and Neighboring Territories. Theses of the international conference (Krasnoyarsk, October 20–22, 2020)]. Krasnoiarsk: SFU, 2020, pp. 51.
- Dobrovolskaia M.V. K metodike izucheniia materialov krematsii [On the Method of Investigations of Cremation Materials], *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 2010, Vol. 224, pp. 85–97.
- Fairgrieve S.I. *Forensic cremation. Recovery and analysis*. New York, 2008.
- Gonçalves D., Duarte C., Costa C., Muralha J., Campanacho V., Costa A.M., Angelucci D.E. The Roman cremation burials of Encosta de Sant'Ana (Lisbon), *Revista Portuguesa de Arqueologia*, 2010, Vol. 13, pp. 125–144.
- Grachev I.A. Novye dannye o rannesrednevekovykh pamiatnikakh luzhnoi Sibiri [New Data on Early Medieval Monuments of Southern Siberia]. In: *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekta MAE RAN v 2012 g.* [Radlovsky Collection. Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2012]. St. Petersburg: MAE RAN, 2013, pp. 28–32.
- Gryaznov M.P. Pastusheskie plemena Srednei Azii v epokhu razvitoi i pozdnei bronzy [The Pastoral Tribes of Central Asia in the Developed and Late Bronze Age]. In: *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Arkheologii*, 1970, Vol. 122, pp. 35–38.
- Holck M.D. *Cremated bones. A medical-anthropological study of an archaeological material on cremation burials*. Oslo, 2008.
- Keyser, C., Bouakaze, C., Crubézy, E., Nikolaev, V. G., Montagnon, D., Reis, T., & Ludes, B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people, *Human Genetics*, 2009, Vol. 126(3), pp. 395–410.

- Kyzlasov L.R. *Drevniaia Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: MGU, 1979.
- Kyzlasov L.R. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Essays on the history of Siberia and Central Asia]. Krasnoiar'sk: Izd-vo Krasnoiar'skogo un-ta, 1992.
- Kyzlasov L.R. Otchet o rabote Khakasskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta v 1969 g. [Report on the work of the Khakass archeological expedition of the Moscow State University in 1969]. In: *Arkhiv Instituta Arkheologii RAN* [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. R-1, № 4010.
- Kyzlasov L.R. *Tashtykskaia epokha v istorii Khakassko-Minusinskoj kotloviny* [Tashtyk epoch in the history of Khakasian-Minusinsk basin]. Moscow: Nauka, 1960.
- Kyzlasov L.R., Pankova S.V. Tatuirovka drevney mumii iz Khakasii (rubezh nashei ery) [Tattoo of the ancient mummy from Khakasia (turn of the Christian era)]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage]. St. Petersburg: State Hermitage publishing house, 2004, Vol. LXII, pp. 61–67.
- Larsson A.M. *Breaking and making bodies and pots. Material and Ritual Practices in Sweden in the Third Millennium BC*. Uppsala, 2009.
- Mandryka P.V. *Bronzovyi i rannii zheleznyi vek v Iuzhnoi taige Srednego Eniseia i Nizov'ev Angary*. Avtoref. dis. d-ra ist. nauk [The Bronze and Early Iron Age in the Southern Taiga of the Middle Yenisei and Lower Angara. Author's abstract of dissertation for the Doctoral degree in History]. Barnaul, 2018.
- McKinley J.I. Bone fragment size in British cremation burials and its implications for pyre technology and ritual, *Journal of Archaeological Science*, 1994, Vol. 21, pp. 339–342.
- Mediko-kriminalisticheskaja identifikatsiia. Nastol'naja kniga sudebno-meditsinskogo eksperta* [Medical and Forensic Identification. The handbook of the forensic expert]. Moscow, 2000.
- Mit'ko O.A., Nikolaeva T.A. Osobennosti pogrebal'nogo obriada tashtykskogo naseleniia (po dannym antropologicheskogo analiza zakhronenii pod kamennymi vykladkami na mogil'nye Markelov Mys II) [Peculiarities of the Burial Rite of the Tashtyk Population (According to the Anthropological Analysis of Burials Under Stonework at the Markelov Cape II Burial Ground)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2016, no. 6(44), pp. 98–105.
- Mit'ko O.A., Teterin Iu.V. Tashtykskaia krematsiia: problemy interpretatsii (po materialam issledovaniia mogil'nika Starooznachenskaia pereprava I) [Tashtyk Cremation: Problems of Interpretation (on Materials of Research of Burial Ground Starooznachenskaya Pereprava I)], *Vestnik NGU. Serii: istoriia, filologii*, 2008, Vol. 7, Is. 3, pp. 132–142.
- Nikolaev N.N., Pankova S.V. After the Scythians. In: *Scythians: Warriors of Ancient Siberia* / eds. St.J. Simpson and S. Pankova. London: Thames and Hudson, 2017, pp. 322–351.
- Pankova S. Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia. In: *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017* / Eds. St J. Simpson, S. Pankova. Oxford: Archaeopress, 2020, pp. 373–396.
- Pankova S., Long T., Leipe Ch., Tarasov P., Wagner M. Oglakhty, Russland. Die Menschen von Oglakhty in Südsibirien: Welchen Platz hatten sie in der Geschichte Eurasiens im frühen ersten Jahrtausend n. Chr.? *E-Forschungsberichte*. 2020. Deutsches Archäologisches Institut, issue 2. pp. 66–80. Available at: <https://publications.dainst.org/journals/index.php/efb/article/view/2595/7094>
- Pankova S., Mikolaychuk E. Kitaiskie shelkovye tkani iz Oglakhtinskogo mogil'nika (raskopki 1969 goda) [Early Chinese silks from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia (excavations in 1969)]. In: Wagner M., Tarasov P.E., Chen X.C. (eds). *Silk Road Fashion: People, Materials, Techniques*. Archaeology in China and East Asia. 2019, no. 7, pp. 108–141. Oppenheim: Nünnerich-Asmus Verlag and Media.

- Pankova S.V. Kompozitnaia iubka iz mogil'nika Oglakhty v Iuzhnoi Sibiri [Composite skirt from the Oglakhta burial ground in southern Siberia]. In: *VI kongress etnografov i antropologov Rossii. Sankt-Peterburg, 28 iyunia – 2 iul'ia 2005 g. Tezisy dokladov* [VI Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia. St. Petersburg, June 28 - July 2, 2005]. 2005, pp. 159–160.
- Pankova S.V. Kosy iz pogrebeniya 4 Oglakhtinskogo mogil'nika (raskopki L.R. Kyzlasova 1969 g.) [Plaits from grave 4 of the Oglakhty cemetery (excavations by L.R. Kyzlasov in 1969)]. In: Smirnov N.Yu. (ed.) *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyah i fotografiyakh (pamyaty G.V. Dluzhnevskoy)* [Archaeological monuments in researches and photographs]. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 132–139.
- Pankova S.V. Mehovye odezhdyy iz Oglakhtinskogo mogil'nika: shuby iz pogrebeniya 4 [Fur clothes from the cemetery of Oglakhty: coats from burial no. 4], *Arheologicheskie vesti*, 2020, no. 26, pp. 202–215.
- Pankova S.V. Model' gorita iz Oglakhtinskogo mogil'nika [Model of a goritus from the Oglakhty cemetery]. In: Smirnov N.Yu. (ed.) *Tvoret's kul'tury. Material'naya kul'tura I duhovnoye prostranstvo cheloveka v svete arheologii, istorii I etnografii: sbornik nauchnykh statey, posvyaschenniy 80-letiyu professora D.G. Savinova* [The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor D.G. Savinov]. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Science, 2021 (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII), pp. 460–474.
- Pankova S.V., Vasil'ev S.S., Dergachev V.A., Zaitseva G.I. Radiouglerodnoe datirovanie oglakhtinskoi grobnitsy metodom «wiggle matching» [Radiocarbon dating of Oglakhty grave using a wiggle matching method], *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2010, no. 2(42), pp. 46–56.
- Pshenitsyna M.N. *Tesinskii etap. Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov i gory Tepsei na Enisee* [Tesi stage. Complex of archaeological monuments and the Tepsei Mountain on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka, 1979, pp. 70–88.
- Roksandic M. Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior. In: *Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives*. Boca Raton, London, New-York, Washington, 2002, pp. 100–117.
- Semenov V.I.A. Arkheologicheskie pamiatniki kontsa I tys. do n.e. v Saianskom kan'one Eniseia [Archaeological monuments of the late 1st millennium BC in the Sayan Canyon of the Yenisei]. In: *Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva* [Problems of Scythian-Siberian cultural and historical unity]. Kemerovo, 1979, pp. 87–89.
- Senotrusova P.O. Tashtyckie veshchi v kompleksakh finala rannego zheleznogo veka v nizhnem techenii Angary [Tashtyk items in Early Iron Age Final Complexes in the Lower Angara]. In: *Arkheologicheskie pamiatniki Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: ot poiavleniia pervykh skotovodov do epokhi slozheniia gosudarstvennykh obrazovaniy*. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiyu d.i.n. E.B. Vadetskoi i d.i.n. G.A. Maksimenkova (19–21 aprelya 2021 g.) [Archaeological Monuments of South Siberia and Central Asia: From the Emergence of the First Pastoralists to the Epoch of State Formations Formation. Materials of the international scientific conference dedicated to the 85th anniversary of Dr. E.B. Vadetskaya and Dr. G.A. Maksimenkov (April 19-21, 2021)]. St. Petersburg: IIMK RAN, 2021, pp. 118–119.
- Shchegolev S.B. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kremirovannykh ostankov (eksperimental'noe i prakticheskoe issledovanie)*. Avtoref. dis. ... k.m.n. [Forensic Examination of Cremated Remains (Experimental and Practical Study). Author's abstract of dissertation PhD (Cand.) in medical sciences]. St. Petersburg, 2000.
- Shen H. Body Matters: Manikin Burials in the Liao Tombs of Xuanhua, Hebei Province, *Artibus Asiae*, 2005, Vol. 65, no. 1, pp. 99–141.

- Shipman P., Foster G., Schoeninger M. Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage, *Journal of Archaeological Science*, 1984, Vol. 11, pp. 307–325.
- Shirin Iu.V. *Verkhnee Priob'e i predgor'ia Kuznetskogo Alatau v nachale I tysiacheletia n.e. (pogrebal'nye pamiatniki fominskoi kul'tury)* [Upper Priob'ye and the foothills of the Kuznetsk Ala Tau at the beginning of the 1st millennium AD. (Funerary monuments of the Fomin culture)]. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost', 2003.
- Shirobokov I.G., Pankova S.V. Dannye komp'yuternoi tomografii v izuchenii golovy muzhskoi mumii iz pogrebeniia № 4 Oglakhtinskogo mogil'nika [Computer tomography datae for the research of the male mummy's head from grave 4, Oglakhty cemetery]. In: *Arkhologicheskie pamiatniki Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: ot poavleniia pervykh skotovodov do epokhi slozheniia gosudarstvennykh obrazovaniia*. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiiu d.i.n. E.B. Vadetskoi i 90-letiiu d.i.n. G.A. Maksimenkova. 19–21 aprelia 2021 g., Sankt-Peterburg [Archaeological monuments of Southern Siberia and Central Asia: from the first pastoralists to the epoch of the state formations. Materials of the conference dedicated to the 85th anniversary of E.B. Vadetskaya and 90th anniversary of G.A. Maksimenkov]. St Petersburg: Institute for the History of Material culture, Russian academy of Science, 2021a, pp. 107–109.
- Shirobokov I.G., Pankova S.V. Dannye komp'yuternoy tomografii v izuchenii golovy muzhskoy mumii iz pogrebeniya 4 Oglakhtinskogo mogil'nika [Computer tomography datae for the research of the male mummy's head from grave 4, Oglakhty cemetery]. In: *Arheologicheskie pamyatniki Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Asii: ot poyavleniya pervykh skotovodov do epokhi slozheniya godudarstvennykh obrazovaniy*. Sbornik statey posvyashchennykh 85-letiyu E.B. Vadetskoy i 90-letiyu G.A. Maksimenkova [Archaeological monuments of Southern Siberia and Central Asia: from the first pastoralists to the epoch of the state formations. Collection of papers dedicated to the 85th anniversary of E.B. Vadetskaya and 90th anniversary of G.A. Maksimenkov]. St Petersburg: Institute for the History of Material culture, Russian academy of Science, 2021b (in print).
- Steinhardt N.S. Liao Archaeology: Tombs and Ideology along the Northern Frontier of China, *Asian Perspectives*, 1998, Vol. 37, no. 2, pp. 224–244.
- Tallgren A.M. The South Siberian cemetery of Oglakhty from the Han period, *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. XI: Helsinki. 1937, pp. 69–90.
- Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Pantelev A.V., Brandt L.Ø., Kyzlasov I.L., Wagner M. New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE", *Quaternary international*. Special issue: Holocene Environments, Human Subsistence and Adaptation in Northern and Eastern Eurasia'. 2021. In print.
- Teterin Iu.V., Gotlib A.I. Modeli kinzhalov tashtykskoi kul'tury [Models of daggers of the Tashtyk culture], *Vestnik NGU. Seriya: istoriia, filologiya*, 2006, Vol. 5, Is. 3-S2, pp. 141–149.
- Vadetskaia E.B. Cherty pogrebal'noi obriadnosti tashtykskikh plemen po materialam gruntovykh mogil'nikov na Enisee [Features of Tashtyk tribes' funeral rites based on the materials of the Yenisei soil burial grounds]. In: *Pervobytnaia arkhologiya Sibiri* [Primitive archeology of Siberia]. Leningrad: 1975, pp. 173–183.
- Vadetskaia E.B. *Drevnie maski Eniseia* [Ancient masks of Yenisey]. Krasnoarsk: Verso, 2009.
- Vadetskaia E.B. Mumii i pogrebal'nye kukly tashtykskikh mogil'nikov [Mummies and funerary dolls of the Tashtyk burial grounds]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii* [Brief reports of the Institute of archaeology, Russian Academy of Science]. 1986, Vol. 186, pp. 33–41.

- Vadetskaia E.B. *Tashtytskaia epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie» (Archaeologica Petropolitana, VII), 1999.
- Vinogradov N.B. Antropomorfnye “kukly” v pogrebal'noi obriadnosti mogil'nika Kulevchi VI [Anthropomorphic “Dolls” in the Funeral Rites of Kulevchi VI Burial Ground], *Povolzhskaia arkheologiya*, 2020, Vol. 1(31), pp. 117–123.
- Vinogradov N.B. Kulevchi VI – novyi alakul'skii mogil'nik v lesostepiakh Iuzhnogo Zaural'ia [Kulevchi VI - a new Alakul burial site in the forest-steppe of the Southern Trans-Ural], *Sovetskaia arkheologiya*, 1984, Vol. 3, pp. 136–153.
- Zaitseva O.V. *Pogrebeniia s narushennoi anatomicheskoi tselostnost'iu kostiaka: metodika issledovaniia i vozmozhnosti interpretatsii*. Avtoref. dis. ... k.i.n. [Burials with compromised anatomical integrity of the skeleton: research methodology and interpretation possibilities. Author's abstract of dissertation PhD (Cand.) in History]. Novosibirsk, 2005.